

чала XX в. как краткие, так и пространные регесты весьма полезны. Они удачно соответствуют условиям использования документов названного периода. Краткие регесты могут хорошо ориентировать в составе документов по избранной теме. Сущность пространных регестов заключается в том, чтобы, в отличие от публикации, не воспроизводить дословно текст документа, но передать (изложить) его содержание в виде резюме в целях, с одной стороны, выделить наиболее существенное в нем, а с другой — достичь значительного сокращения объема издания (по сравнению с публикацией текстов документов). Содержание большинства документов указанного периода может быть достаточно точно передано в виде резюме (более или менее детального), размеры которого во многих случаях будут существенно (в несколько раз) меньше полного текста оригиналов. При этом возможно и полезно (хотя и не обязательно) применение цитирования для более точной передачи наиболее важных, характерных или обобщающих частей текста. Однако лишь в немногих случаях содержание документов может быть передано преимущественно цитированием с достижением существенного сокращения объема воспроизводимого текста. И краткие, и пространные регесты в разной мере отвечают насущным потребностям исследователя: сокращают путь к источнику и помогают в его изучении. Пространные же регесты сообщают исследователю такую информацию о содержании источника, которая делает возможным его первоначальное осмысление. Во многих случаях регесты дают возможность непосредственного отбора документов для копирования с целью более полного его изучения. Регесты являются разновидностью справочных пособий к документам. Отнесение их к публикациям не имеет под собой твердых оснований.

А. В. ОСТРОВСКИЙ и М. М. САФОНОВ

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

«День 17 октября, — писал В. И. Ленин, имея в виду осень 1905 г., — останется в истории, как один из великих дней русской революции. Невиданная в мире всенародная стачка достигла своего апогея. Могучая рука пролетариата, поднявшегося в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей», «и царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку», издав известный «октябрьский манифест».¹ Появление этого документа еще не означало полного по-

¹ Ленин В. И. Первая победа революции. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 27—28.

ражения царизма, но оно, несомненно, представляло собой «первую победу революции». Рассматривая содержание манифеста, В. И. Ленин отмечал: «Ясно, что перед нами действительно список коренных политических реформ. Ясно, что осуществление даже одной из этих реформ в отдельности означало бы крупнейшую перемену к лучшему».² Главное в манифесте 17 октября, по мнению В. И. Ленина, заключалось в том, что это был «манифест о конституции».³ «Царский манифест, — подчеркивал он, — обещает прямую конституцию», «содержит обещания безусловно конституционного характера».⁴

В советской исторической литературе получили освещение причины, заставившие царизм пойти на издание манифеста 17 октября 1905 г., общие политические условия, сопровождавшие его появление, характеристика этого документа как юридического акта.⁵ Однако история создания текста манифеста до настоящего времени остается почти не изученной. Между тем в разработке этого документа, как в фокусе, отразились различные аспекты кризиса верхов в октябрьские дни 1905 г., страх и смятение царизма перед лицом всеобщей политической стачки, готовой перерасти в вооруженное восстание, его колебания в вопросе о дальнейших путях борьбы с революцией. Это порождает необходимость выявления всех сохранившихся проектов манифеста 17 октября 1905 г. и их тщательного текстологического анализа. Цели статьи не позволяют детально показать, как под влиянием революционного движения и острого финансового кризиса к осени 1905 г. в правящих верхах родилась и оформилась идея конституционных реформ. Отметим только, что в октябре о конституции заговорил даже такой известный консерватор, каким был князь В. П. Мещерский, а нововременский публицист М. О. Меньшиков, далеко не либерал по своим убеждениям, написал конституционную хартию, в основу которой легли главные идеи «*Magna charta Libertatum*» и проекта Основного закона, составленного

² Ленин В. И. Российская буржуазия и российский реформизм. — Там же, т. 23, с. 395.

³ Ленин В. И. Уроки революции. — Там же, т. 19, с. 416.

⁴ Ленин В. И. 1) Первая победа революции, с. 30; 2) Между двух битв. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 54—55.

⁵ Черменский Е. Д. 1) Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М.—Л., 1939, с. 141—145; 2) Русская буржуазия осенью 1905 года. — Вопросы истории, 1966, № 6, с. 52—72; 3) Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 135—146; 4) История СССР. Период империализма. М., 1974, с. 130—137; Хабас Р. Манифест 17 октября 1905 г. — Истор. журнал, 1940, № 9, с. 108—122; Плавник Л. Б. Витте и революция 1905—1907 гг. — В кн.: Государственный музей революции, сб. 1. М., 1947, с. 150—184; Мироненко К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. — Уч. зап. ЛГУ, 1958, сер. юрид., вып. X, № 255, с. 158—179; Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие. Л., 1975, с. 78—92; Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975, с. 247, 248; Витенберг Б. М. Внутренняя политика царизма в августе—октябре 1905 г. и подготовка манифеста 17 октября. Дипломная работа. ЛГУ, 1976, и др.

конституционалистами. Первым же вопросом о конституции перед Николаем II, видимо, поставил С. Ю. Витте, политические воззрения которого были далеки от какого бы то ни было конституционализма. 8 и 9 октября он был принят царем и представил ему развернутую записку, где доказывал необходимость введения конституции и предлагал обнародовать программу конституционных преобразований в форме утвержденного императором всеподданнейшего доклада председателя Комитета министров. 10 октября эта программа была завершена. Однако еще 9 октября, в ходе второй встречи, Николай II высказал мысль о том, что «было бы лучше основание записки опубликовать манифестом». Таким образом, идея конституционного манифеста возникла при дворе никак не позднее 9 октября, но только 14 октября около полуночи Витте получил одновременно и приглашение на совещание, которое должно было состояться на следующий день в Петергофе, и поручение составить к этому времени проект манифеста, о котором речь шла накануне. Вероятно, к вечеру 14 октября следует отнести начало работы над манифестом. Материалы, возникшие в ходе этой работы, отложились в бумагах Витте и два десятилетия спустя были опубликованы И. Л. Татаровым на страницах «Красного архива».⁶ Эти документы дают возможность детально проследить ход работы над составлением манифеста 17 октября.

Получив повеление привезти манифест, Витте прибег к помощи своего ближайшего в то время сотрудника, члена Государственного совета князя А. Д. Оболенского, и поручил ему за ночь набросать проект этого манифеста.⁷ К утру 15 октября проект был готов. Его текст сохранился среди бумаг Витте в оригинале⁸ и нескольких копиях (рукописной⁹ и фотографических¹⁰). Оригинал представляет собой набросок, сделанный черными чернилами на блокнотных листах рукой А. Д. Оболенского. Он содержит некоторые чернильные (рука Оболенского) и карандашные (рука Витте) исправления и дополнения. К сожалению, заключительные строки манифеста оказались утраченными, однако, насколько можно судить по сохранившемуся тексту, программная его часть уцелела полностью. Составленный проект провозглашал прежде всего объединение правительственных ведомств «под руководством назначенного (монархом. — А. О. и М. С.) пр[е]дседателя Совета министров», именно этому реформированному правитель-

⁶ Манифест 17 октября. — Красный архив, 1925, т. 4—5 (11—12) (далее — КА), с. 39—106; ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 78—82, 708.

⁷ Справка о манифесте 17 октября 1905 г. — КА, с. 79.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 79, л. 1—4.

⁹ Проект манифеста, составленный князем А. Д. Оболенским и привезенный им с собою на пароход. — Там же, д. 78, л. 1—2; КА, с. 86—87. — На последней странице рукописи есть пометка Витте: «Набросок кн. А. Д. Оболенского, прочитанный на пароходе 10—16 октября, когда ехали в Петергоф».

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 708.

ству поручалось «незамедлительно и не позже как в месячный срок» выработать и сообщить царю «правила о предоставлении русским гражданам свободы слова и печати», «свободы союзов» и «личной неприкосновенности». Одновременно с этим правительству предписывалось «составить предположения о таких изменениях в положении о выборах в Гос[ударственную] думу», по которым избирательные права должны были получить устраненные до этого от выборов слои населения. Причем решение этого вопроса передавалось самой Думе, что означало сохранение старого положения до созыва Булыгинской думы. В заключение подчеркивалась необходимость немедленного удовлетворения тех требований железнодорожных рабочих — основного отряда участников всеобщей октябрьской политической стачки, — «кои могут ныне же быть удовлетворены».¹¹

Проект Оболенского значительно отличался от записки Витте, представленной им царю, так как совершенно обходил стороной вопрос о конституции. Действовал ли в данном случае Оболенский по собственной инициативе или же выполнял лишь волю Витте, сказать трудно. Во всяком случае представленный им проект манифеста был подвергнут значительной переработке.

Его обсуждение протекало утром 15 октября (между 9 и 11 час.) на пароходе, следовавшем в Петергоф. Вместе с С. Ю. Витте в царскую резиденцию направлялись управляющий делами Комитета министров Н. И. Вуич, А. Д. Оболенский и министр императорского двора В. Б. Фредерикс. Именно этими лицами и ограничивался круг участников обсуждения.¹² О том, как протекало это обсуждение, мы можем судить на основании подлинных документов, которые были составлены на пароходе на пути в царскую резиденцию.

Прежде всего это документ, опубликованный И. Л. Татаровым под названием «Замечания, сделанные рукой Н. И. Вуича, когда на пароходе 10 (час.) 16 октября был прочтен проект А. Д. Оболенского».¹³ Этот документ сохранился в оригинале и в двух копиях (рукописной и фотографической). Оригинал представляет собой карандашные наброски с рядом исправлений и чернильной пометкой,¹⁴ которая была сделана рукой Витте и не совсем точно воспроизведена И. Л. Татаровым как название документа.¹⁵ Рукописная копия (почерк А. Д. Оболенского) имеет несколько иное название: «Незаконченный проект, составленный Н. И. Вуи-

¹¹ КА, с. 87.

¹² Справка..., с. 79—80; Записка Н. И. Вуича. — КА, с. 67; Дневник князя Н. Д. Оболенского. — Там же, с. 73.

¹³ КА, с. 87—88.

¹⁴ Замечания, сделанные рукой Н. И. Вуича, когда на пароходе 10—16 октября был прочтен проект А. Д. Оболенского. (На пароходе ехал я (гр. Витте), кн. Оболенский, Вуич, м-р двора Фредерикс). — ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 80, л. 1, 3, 4.

¹⁵ Запись Витте — «10—16 октября» — И. Л. Татаров прочитал как «10 час. 16 октября».

чем на пароходе после прочтения проекта Оболенского». ¹⁶ Другой документ, отложившийся в ходе обсуждения и опубликованный И. Л. Татаровым под названием «Заметки Вуича», ¹⁷ сохранился в двух экземплярах: оригинале (карандашный набросок рукой Н. И. Вуича) и рукописной копии (черные чернила, почерк Н. И. Вуича). Оригинал не имеет названия, но на нем есть чья-то пометка: «Редакция, установленная на пароходе». ¹⁸ Копии чьей-то рукой дан заголовок: «Записанное Вуичем Н. И. под диктовку Витте С. Ю. (во время остановки уже парохода у Петергофской пристани) окончательно установленное содержание пунктов предполагавшегося манифеста». ¹⁹

Как явствует из этих документов, прежде всего из проекта Оболенского, по настоянию Витте было исключено указание на месячный срок, в течение которого должны были быть введены «свободы», и подчеркнута связь этих реформ с указом 12 декабря 1904 г. Что же касается существа дела, то в данном случае из первого пункта было вычеркнуто упоминание о свободе печати, но зато сделано дополнение о свободе собраний. Иную формулировку приобред и второй пункт. Если Оболенский отодвигал решение вопроса о расширении избирательных прав до созыва Государственной думы, то в новой редакции просто подчеркивалось намерение пересмотреть булыгинский избирательный закон, а сам вопрос о характере этого пересмотра был облечен в более обтекаемую формулировку. Третий же пункт был вычеркнут и заменен совершенно иным пунктом о правах Государственной думы и Государственного совета. Предполагалось установить порядок, чтобы все законы издавались только после обсуждения их в этих учреждениях. По существу подобная формулировка означала предоставление Государственной думе и Государственному совету законодательных прав, так как положение о Булыгинской думе устанавливало, что законопроект, внесенный в эти учреждения и отвергнутый ими, не мог стать законом. ²⁰

Однако новая редакция тоже не была признана удовлетворительной и подверглась переработке. Сопоставление «незаконченного проекта, составленного Н. И. Вуичем», с окончательной «редакцией, установленной на пароходе», показывает, что эта переработка коснулась всех трех пунктов. Что касается первого из них, то здесь, с одной стороны, было восстановлено положение о свободе печати, а с другой — вычеркнуто обещание свободы собраний. Вместе с тем перечень политических свобод был дополнен «свободой совести». Незначительной правке подвергся второй пункт, формулируемый словами: «Расширение права выборов в Госуд[арственную] думу широким участ[ием] тех раз[рядов]

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 80, л. 2.

¹⁷ КА, с. 89.

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 81, л. 1.

¹⁹ Там же, л. 2.

²⁰ Замечания, сделанные рукой Вуича... — КА, с. 87—88.

лиц, кои ныне лишены избир[ательных] прав», он стал еще более лаконичным и обтекаемым. Наиболее существенные изменения были внесены в последний пункт. То, что в «незаконченном проекте» оставалось за текстом, теперь получило четкую и недвусмысленную редакцию: «Никакой закон не может иметь силы, если не получил санкции Гос[ударственной] думы». Правда, не совсем ясным представлялось положение Государственного совета, который тоже подлежал преобразованию. Прежде всего должны были быть расширены его права, однако вопрос об объеме этих прав оставался открытым.²¹

Как показывает заголовок, данный окончательной редакции в одной из копий, эта редакция была установлена «уже во время остановки парохода у Петергофской пристани». И здесь же, по свидетельству Вуича, было решено, что Витте сразу же отправляется на совещание к царю, а «пока С. Ю. будет во дворце, бывшие с ним лица попробуют составить окончательный проект манифеста».²² Совещание, на которое был приглашен Витте, имело два заседания: первое в 11.00—12.50 и второе в 14.40—16.35.²³ На первом заседании обсуждался вопрос — диктатура или конституция. Участники совещания пришли к заключению, что установление диктатуры невозможно, поэтому ко второму заседанию Витте должен был представить свой проект конституционного манифеста.²⁴ Судя по всему, к 14.40 такой проект был готов. Однако мы не располагаем материалами, отложившимися в ходе его составления. Единственно, что дошло до нас — это машинописный проект манифеста с чьей-то пометкой «Окончат[ельный]» и своеобразным комментарием Витте на самом проекте: «Проект составленный 10—16 октября Н. И. Вуичем и кн. Оболенским в тот же день, когда приехали на пароходе, и после того, как государь император непременно пожелал не ограничиться утверждением моей программы (о чем я только и ходатайствовал), а издать манифест. Проект этот в тот же день при втором докладе (после завтрака) был мною передан его величеству. Граф Витте».²⁵

Это пояснение Витте дает основание датировать данный проект манифеста первой половиной дня 15 октября. Остается лишь не совсем ясным, был ли он отпечатан к моменту возвращения Витте с первого заседания или же это было сделано после его ознакомления с несомненно существовавшим, но пока не обнаруженным рукописным экземпляром. Решение этого вопроса важно как для правильного понимания участия Витте в состав-

²¹ Заметки Вуича. — Там же, с. 89.

²² Записка Н. И. Вуича. — Там же, с. 68.

²³ Камер-фурьерские журналы. 1905. — ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 219/2728, д. 21 (далее — КФЖ), л. 332.

²⁴ Справка..., с. 80.

²⁵ В верхнем левом углу рукописи помечено красным карандашом: «Манифест 17 октября 1905 г. составлялся в Петергофе в Запасном дворце» (ЦГИА СССР, ф. 1622, д. 82, л. 1; КА, с. 89—91).

лении «окончательного проекта» манифеста, так и для верного понимания тех исправлений и дополнений, которые были внесены в его машинописный текст. Если рассматривать Вуича и Оболенского как простых исполнителей указаний Витте, то, очевидно, «окончательный проект» должен был быть своеобразной копией «редакции, установленной на пароходе». Однако сопоставление этих документов показывает значительные расхождения между ними: так, из прежнего перечня политических «свобод» вновь была исключена «свобода печати», зато введены «свобода слова» и «свобода собраний», второй пункт приобрел большую определенность в связи с указанием на намерение расширить избирательные права до созыва Государственной думы; наконец, в последнем пункте было исключено упоминание о Государственном совете и введено новое положение о контроле Государственной думы над деятельностью правительственной администрации.²⁶

Все эти изменения являлись далеко не второстепенными, поэтому мало вероятно, чтобы Вуич и Оболенский не только внесли их совершенно самостоятельно, но и, не зная отношения к ним со стороны Витте, сочли возможным отпечатать его на машинке до завершения первого заседания. Вероятнее всего, что отмеченные выше изменения были внесены в «окончательный проект» под непосредственным руководством самого Витте, вернувшегося с утреннего заседания у Николая.

Согласно воспоминаниям Вуича, по возвращении Витте в Запасном дворце вокруг второго и третьего пунктов развернулась оживленная дискуссия. Сомнения вызывала решительная формулировка законодательных прав Думы, но после колебаний было решено оставить ее в силе. Долго обсуждался вопрос о том, следует ли расширить выборы только по отношению к рабочим или же и к другим частям населения, возможно ли произвести это расширение избирательных прав, не останавливая выборов в Государственную думу. Витте решил поставить вопрос шире и упомянуть о расширении избирательных прав тех классов населения, которые были отстранены от выборов. Хотя Витте и сомневался в том, что можно будет изменить избирательный закон, не прерывая выборов, он все же склонился к тому, чтобы в проекте было упомянуто о неприостановке выборов.²⁷ Как видим, решающая роль при редактировании «окончательного проекта» принадлежала Витте.

Очевидно, споры вокруг содержания проекта продолжались и после того, как его текст был отпечатан на машинке. Во всяком случае на последней странице во второй пункт рукой Вуича были сделаны две вставки, в значительной степени видоизменяющие его.

Слой населения, лишенные избирательных прав, теперь должны были быть привлечены к участию в выборах в Думу

²⁶ Там же.

²⁷ Записка Н. И. Вуича, с. 68—69.

«в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока». Дальнейшее же развитие «начала общего избирательного права» предоставлялось «вновь установленному законодательному порядку».²⁸ Таким образом, второй пункт приобрел несколько иной смысл: на правительство возлагалась обязанность частично изменить избирательный закон до созыва Думы, но окончательно этот вопрос должен был быть разрешен самой Думой.

Сравнив «окончательный» проект с предшествующими ему набросками, можно сделать вывод, что Витте испытывал значительные колебания, однако, несмотря на них, постепенно склонялся все к большей и большей радикализации проекта манифеста. Причем сознательно или бессознательно в этой работе Витте руководствовался той программой требований, которая накануне была сформулирована либеральной оппозицией в воззвании сентябрьского земского съезда. Сравнительный анализ этого воззвания и «окончательного проекта» манифеста обнаруживает между ними не только композиционное тождество, но и определенную близость по содержанию. По существу вся рассмотренная работа над проектом манифеста была постепенным приближением к содержанию воззвания земцев, однако воспроизвести его целиком Витте не решился:

Воззвание земцев ²⁹

1. Обеспечение прав личности, свободы слов и печати, свобода сходок, собраний, союзов.
2. Установление выборов на основе всеобщего избирательного права.
3. Решающий голос Думы в законодательстве и право действительного контроля над бюджетом и администрацией.

Проект Витте ³⁰

1. Даровать населению неизбежные основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.
2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.
3. Установить как неизбежное правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1622, д. 82, л. 1; КА, с. 90.

²⁹ Белокопский И. П. Земство и конституция. М., 1910, с. 182.

³⁰ КА, с. 90.

«Окончательный вариант» манифеста был представлен участникам совещания у Николая II в 14.40. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, проект обсуждался только с чисто принципиальной стороны, а вопрос о его редакции не только не рассматривался, но даже и не ставился.³¹ Это обстоятельство, по всей видимости, было связано с тем, что Николай II, хотя и начинал склоняться к признанию необходимости конституционного манифеста, но еще не принял для себя окончательного решения. Поэтому в заключение совещания Николай II ограничился только общим обещанием Витте: «Если я соглашусь, то дам Вам знать вечером».³² После совещания в 18.35 Николай принял Фредерикса.³³ Фредерикс отправил с офицером фельдъегерского корпуса копию виттевского проекта в Петербург Д. Ф. Трепову, товарищу министра внутренних дел, санкт-петербургскому генерал-губернатору, одному из самых близких к царю в октябрьские дни лиц. Николай хотел узнать его мнение прежде, чем сделать решительный шаг. Трепов должен был воспользоваться услугами фельдъегерского офицера Хохлева, в распоряжении которого была миноноска, и как можно скорее переслать с ним свой ответ, чтобы к утру царь мог принять окончательное решение. Поэтому Трепову было предписано высказаться главным образом «по сути манифеста», а не о его редакции.³⁴

Редакционную же работу царь предполагал возложить на других лиц. Еще вечером 14 октября Николай поручил помощнику управляющего военно-походной канцелярии императора вызвать в Петергоф по телефону бывшего министра внутренних дел, а в 1905 г. члена Государственного совета И. Л. Горемыкина и главноуправляющего канцелярией по принятию прошений барона А. А. Будберга. Они-то и должны были подвергнуть виттевский проект редакционной обработке в том случае, если бы Николай счел необходимым опубликовать манифест. Неизвестно, знал ли Горемыкин о причине этого вызова в Петергоф. Будбергу же Орлов прямо сказал, что он вызывается к царю для работы «над редакцией». Накануне, 13 октября, Будберг был на приеме у Николая и высказал там мнение о необходимости конституционного переворота. Поэтому он связал свой вызов с этим разговором и в течение ночи составил проект конституционного манифеста. Перед поездкой в Петергоф Будберг зашел к государственному секретарю барону Искулю и прочитал ему свой проект. Искуль сделал несколько чисто канцелярских поправок.³⁵

³¹ Справка..., с. 80; Дневник князя Н. Д. Оболенского, с. 73; Дневник А. А. Половцова. — Красный архив, 1923, т. 4, с. 79.

³² Записка Н. И. Вуича..., с. 69.

³³ КФЖ, л. 332 об.

³⁴ В. Б. Фредерикс — Д. Ф. Трепову, 15 октября 1905 г. — Былое, 1919, № 14, с. 109; В. Н. Орлов — Д. Ф. Трепову, 15 октября 1905 г. — Там же, с. 109—110.

³⁵ Будберг А. А. Мои записки. 1905—1906 гг. — ЦГАОР СССР, ф. 859, оп. 1, д. 11 (далее — Будберг А. А. Записки), л. 30—31.

В преамбуле манифеста говорилось о том, что население России относится с недоверием к предстоящему созыву законосовещательной Думы, опасаясь, что она окажется не в состоянии разрешить коренные проблемы, стоявшие перед страной. Вникнув в это народное настроение, подчеркивалось в проекте манифеста, монарх повелевает «основные законы Российской империи дополнить нижеследующим: 1. Никакой закон не приемлет силы иначе как по одобрении его Государственной думой и по утверждении императора за собственноручным подписанием. 2. Все подданные наши пользуются свободой личности, веры, слова и собраний. 3. Законы рассматриваются в Государственной думе, образованной из двух палат: Палаты представителей и Верхней палаты. Палата представителей составляет всеобщей подачей голосов. В Верхней палате присутствуют члены, назначенные нами, а равно избранные дворянскими и земскими собраниями и городскими думами. Порядок выборов определяется особым законом. 4. Председатель Совета министров и по его представлению прочие министры назначаются указом императора и отвечают перед Палатами за общий ход государственного управления». В заключение проекта манифеста провозглашались политическая амнистия и отмена смертной казни.³⁶

Даже беглое знакомство с проектом Будберга показывает, что он не только имел много общего с проектом Витте, но в ряде вопросов был более четким, последовательным и даже более радикальным. Когда в 18.00 15 октября Будберг познакомился с виттевским проектом, то он, по свидетельству Н. Д. Оболенского, «главным образом критически отнесся к формальной стороне самого изложения манифеста, находя таковое недостаточно хорошо отредактированным». Что же касается Горемыкина, то его позиция была совершенно иной. Он «принципиально не соглашался с необходимостью такого акта».³⁷

Таким образом, приглашенные для совместного редактирования виттевского проекта манифеста Будберг и Горемыкин в этом вопросе не только не были единомышленниками, но и стояли на прямо противоположных позициях. А поэтому, когда в 22.15 они оба были приняты Николаем II,³⁸ Горемыкин прежде всего попытался уклониться от предлагаемого им дела. Однако, обосновывая свое отрицательное отношение к идее конституционного манифеста, призывая императора к решительности и высказываясь за диктатуру, Горемыкин особо подчеркивал, что при этом он исходит из «предположения, что в распоряжении правительства имеются необходимые силы». Между тем этими силами прави-

³⁶ Островский А. В., Сафонов М. М. Неизвестный проект манифеста 17 октября 1905 года. — Советские архивы, 1979, № 2, с. 64—65.

³⁷ Дневник князя Н. Д. Оболенского, с. 74.

³⁸ КФЖ, л. 332 об.

тельство как раз и не располагало. Разъяснение Николая II на этот счет разрушило все предложения Горемыкина.³⁹

Окончились неудачей и попытки Будберга провести собственный проект манифеста. Как Горемыкин, так и Николай II отнеслись к этому проекту резко отрицательно. «Когда я дошел до амнистии и уничтожения смертной казни, — описывал Будберг чтение своего проекта, — поднялся большой крик».⁴⁰ А поскольку ни Будберг, ни Горемыкин ничего иного предложить пока не могли, то обсуждение этого вопроса решили отложить до следующего дня. Почти вся ночь с 15 на 16 октября была посвящена составлению нового проекта манифеста. «Я работал до 4-х часов утра, — вспоминал Будберг,⁴¹ — князь Орлов и Горемыкин помогали мне советами. Так к утру следующего дня было составлено несколько проектов».⁴²

³⁹ Будберг А. А. Записки, л. 34—35.

⁴⁰ Там же, л. 36—37.

⁴¹ Там же, л. 37.

⁴² После Октябрьской революции эти проекты вместе с другими бумагами В. Н. Орлова попали в ЛЦИА и в 1925 г. были опубликованы И. Л. Татаровым на страницах «Красного архива» (с. 92—96). В комментариях к публикации сообщалось, что проекты хранятся в пакете, написанном рукой В. Н. Орлова: «Манифест 1905 года 16 октября. Проекты и исправления» (КА, с. 106). В настоящее время проекты Будберга—Горемыкина находятся в ЦГВИА СССР, в личном фонде В. Н. Орлова, в архивном деле с тем же названием, что и пакет, упоминавшийся в публикации И. Л. Татарова (ЦГВИА СССР, ф. 276, оп. 1, № 12, л. 1—18). Однако самого пакета нет, и состав этого дела существенно отличается от татаровской публикации. В деле находятся машинописный черновик первого проекта (л. 2—3), опубликованный в «Красном архиве» (с. 92—93), его беловик (л. 4—4 об.), оговоренный в примечаниях к публикации (с. 93), и литографированный экземпляр этого беловика (л. 5—6), не упомянутый И. Л. Татаровым. Вместе с тем в деле имеются машинописный черновик второго проекта с карандашной припиской (л. 10—10 об.), литографированный экземпляр этого беловика (л. 12) и отдельный листок, содержащий написанную карандашом вставку в белой экземпляр этого проекта (л. 11). Ни один из вариантов этого проекта не был отражен в публикации И. Л. Татарова. Вместо них в «Красном архиве» был опубликован ныне отсутствующий в деле проект. Он содержал текст черновика второго проекта с уже включенной в него вставкой на отдельном листе к его беловому экземпляру, с учетом внесенных в нее исправлений и оговоренной И. Л. Татаровым той же самой, что и в черновике и беловике второго проекта, карандашной приписки. В «Красном архиве» упоминалось о существовании беловика этого, третьего по счету, проекта со знаком вставки и отдельного листка, содержание которого подходило под эту вставку (л. 93—94). Вместе с тем в деле сохранились черновик другого варианта третьего проекта (л. 13—13 об.), воспроизведенный в публикации И. Л. Татарова (с. 94—95), его беловик (л. 14—14 об.) и литографированный экземпляр этого беловика (л. 8—9 об.), в «Красном архиве» не упомянутые. В татаровской публикации сообщалось о существовании еще одного белового варианта этого проекта, в деле отсутствующего (с. 95). Нет здесь и опубликованного И. Л. Татаровым «окончательного текста» (с. 96), содержавшегося, по его словам, «на напечатанном литографическим способом бланке» (с. 45). В деле находится упомянутый в комментариях (с. 106) переписанный карандашом «окончательный текст» виттевского проекта (л. 15, 18). Вместе с ним хра-

Первоначальный набросок манифеста, составленный в Петергофе в ночь с 15 на 16 октября, представлял собой компиляцию тех двух проектов, которые к тому времени были готовы, т. е. виттевского и будбергвского. Из будбергвского проекта была взята преамбула манифеста, а из виттевского — его программная часть, и все это подверглось некоторой стилистической правке. Из будбергвской преамбулы было исключено упоминание о недоверии народа правительству, и, очевидно, под влиянием Горемыкина в ней особо подчеркивалось отрицательное отношение ко всяким проявлениям «смуты», намерение разговаривать с ней прежним языком насилия. Виттевской же программе была придана более торжественная форма, сформулирована она сама была не в виде директивы правительству, а как непосредственная декларация, исходящая от самого царя и немедленно дающая все конституционные реформы.⁴³ Вероятнее всего, что этот проект манифеста был составлен главным образом бароном Будбергом, который, хотя и вынужден был отказаться от своей первоначальной программы, но, по всей видимости, стремился сохранить из нее самое главное. О соотношении программной части виттевского проекта манифеста и компромиссного проекта мы можем судить на основании следующего их сопоставления:

Витте	Будберг
1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.	Повелеваем в незыблемое основание подлежащих внесению в Государственную думу законодательных предположений принять провозглашаемое нами ныне начало неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.
2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию	Никакой закон да не будет представлен на утверждение наше без одобрения Государственной думы.

нится его литографированный экземпляр (л. 16—17), в «Красном архиве» не отраженный. Кроме того, в деле находится газетная вырезка, содержащая текст манифеста 3 июня 1907 г. (л. 1). Таким образом, в публикации И. Л. Татарова были отражены черновик и беловик первого проекта, сохранившиеся до настоящего времени, черновик и беловик одного из вариантов третьего, ныне не обнаруженные, дошедший до нас черновик и недошедший беловик еще двух различных вариантов этого же проекта, наконец, литографированный на бланке, неизвестно где сейчас находящийся окончательный текст. Не отраженными в публикации оказались литографированный текст первого проекта, все варианты второго и один из вариантов в машинописном и литографированном экземплярах третьего. Либо И. Л. Татаров не имел в распоряжении этих документов, либо они ускользнули из его поля зрения. Но ценная публикация И. Л. Татарова, воспроизводящая ряд не дошедших до нас или пока не обнаруженных документов, не дает, однако, полного представления о проектах, созданных Будбергом, Горемыкиным и Орловым, и не отражает всех этапов работы над этими проектами.

⁴³ КА, с. 92—93.

в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за ним дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силы без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надворе за закономерностью действий поставленных от нас властей.⁴⁴

Надвор Государственной думы за закономерностью действий поставленных от нас властей да будет действителен.

Подвергнуть обсуждению Государственной думы вопрос о дальнейшем развитии начала общего избирательного права, приняв меры к привлечению ныне же к предстоящим выборам тех классов населения, которые по изданному положению о выборах вовсе лишены избирательных прав.⁴⁵

Насколько можно судить по сохранившимся карандашным пометкам в тексте и на полях манифеста, компромиссный проект вызвал довольно многочисленные замечания.⁴⁶ По своему содержанию они распадались на две группы: одни из них носили главным образом стилистический характер, другие затрагивали существо самого проекта. В соответствии с этими поправками были составлены два новых варианта манифеста. Если первый вариант представлял собой разновидность компромиссного проекта,⁴⁷ то второй являлся совершенно самостоятельным проектом, текст которого в свое время не был опубликован И. Л. Татаровым. Работа над этим текстом протекала так. В черновике компромиссного проекта карандашом зачеркнули все три пункта,⁴⁸ а на отдельном листе сделали вставку.⁴⁹ Текст был переписан на машинке, выправлен⁵⁰ и снова перебелен.⁵¹ Сохраняя почти без особых изменений преамбулу компромиссного проекта, он содержал всего лишь один пункт, сформулированный в весьма витиеватой форме: «Повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющих быть на твердом основании закона выработанными, порядком Учреждением Государственной думы установленным».

Какой же смысл имела эта формулировка? Если исходить из того, что 6 августа 1905 г. население уже получило право изби-

⁴⁴ КА, с. 90.

⁴⁵ КА, с. 92—93 (курсив наш. — А. О. и М. С.).

⁴⁶ ЦГВИА СССР, ф. 276, оп. 1, № 12, л. 2—2 об.; КА, с. 92—93.

⁴⁷ Там же, л. 4—4 об.

⁴⁸ Там же, л. 2—2 об.

⁴⁹ Там же, л. 3.

⁵⁰ Там же, л. 7—7 об.

⁵¹ Там же, л. 10—10 об.

рать и быть избранным в Государственную думу, т. е. имело «право народного представительства», то в данном случае приведенная формулировка могла означать только одно — дарование каких-то новых прав самому «народному представительству». Причем речь шла о таких правах, которые должны были лечь в «незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную думу законодательных предположений». Иными словами, эти права рассматривались как фундамент последующего законодательства и могли означать представление Государственной думе законодательных прав. В таком случае приведенная формулировка, хотя и содержала довольно туманный намек на конституционные преобразования, в то же время открывала правительству в последующем самый широкий простор для маневрирования. Очевидно, автором этого варианта был Горемыкин. Вполне естественно, что Горемыкин, не желавший вначале и слушать о каком-либо манифесте, а потом вынужденный не только обсуждать, но и редактировать его, не мог не стремиться при этом к тому, чтобы манифест был максимально ограниченным по содержанию и минимально связывал руки паризма в будущем. Однако «конституция» Горемыкина вряд ли могла приостановить дальнейшее развитие революции, чего рассчитывали достичь с помощью публикации конституционного манифеста. По всей видимости, это ясно сознавали Орлов и Будберг. Поэтому горемыкинский проект подвергся новой переработке.

В перебеленный экземпляр второго проекта⁵² сделали вставки. На отдельном листе рукой Будберга черным карандашом было написано: «Даруя ныне же (над строкой «всему». — *А. О. и М. С.*) населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности (над строкой «и». — *А. О. и М. С.*) свободы (над строкой «совести». — *А. О. и М. С.*) слова, собраний и союзов, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы классы населения, по положению о выборах вообще устранившиеся от участия в (зачеркнуто «выборах». — *А. О. и М. С.*) оных, получили представителей в Госуд[арственной] думе». К этому пассажиру красным карандашом было приписано — «сохранив за крестьянами (исправлено на «крестьянским сословием». — *А. О. и М. С.*) предоставленные им Положением о выборах преимущества».⁵³ Потом проект переписали на машинке и отредактировали.⁵⁴ После этого был создан беловик третьего проекта, о существовании которого упоминалось в татаровской публикации.⁵⁵ В то же время Будберг создал еще один вариант этого проекта. В этом варианте, который Будберг считал наиболее верным, дарование прав народного представительства не оговаривалось (как это имело место у Горемыкина) тем, что они

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 11.

⁵⁴ КА, с. 93—94.

⁵⁵ КА, с. 94.

будут выработаны «порядком Учреждением Государственной думы установленным».⁵⁶

Таким образом, в третий проект были включены еще два пункта: пункт о политических свободах представлял собой почти полное воспроизведение соответствующего пункта компромиссного «виттевско-будберговского» проекта, а пункт о расширении избирательных прав давался в совершенно новой редакции. Прежде всего исключалось указание на то, когда и как это обещание должно быть реализовано, а вместе с тем было сделано дополнение, что при пересмотре существующего избирательного закона должны быть сохранены «за крестьянским сословием предоставленные им положением о выборах преимущества». Этот проект, очевидно, мог устроить и Горемыкина. Соотношение этого проекта с предшествующими было таково:

Витте—Будберг	Горемыкин	Горемыкин—Будберг
Повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную думу законодательных предположений принять провозглашенные нами ныне начала неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Никакой закон да не будет представлен на утверждение наше без одобрения Государственной думы. Надзор Государственной думы за закономерностью действий поставленных от нас властей да будет действителен. Подвергнуть обсуждению Государственной думы вопрос о дальнейшем развитии начала общего избирательного права, приняв меры к привлечению ныне же к предстоящим выборам тех классов населения, которые по изданному положению о выборах вовсе лишены избирательных прав. ⁵⁷	Повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющих быть на твердом основании закона выработанными, порядком Учреждением Государственной думы установленным. ⁵⁸	Повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющие быть выработанными на твердом основании закона, порядком Учреждением Государственной думы установленным. Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности и свободы совести, слова, собраний и союзов, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы классы населения, по Положению о выборах вовсе устраненные от участия в оных, получили представителей по Государственной думе, сохранив за крестьянским сословием предоставленные им Положением о выборах преимущества. ⁵⁹

⁵⁶ Будберг А. А. Записки, л. 37, 44 об.—45.

⁵⁷ ЦГВИА СССР, ф. 276, оп. 1, № 12, л. 4—4 об.

⁵⁸ Там же, л. 10—10 об.

⁵⁹ КА, с. 94.

Проекты, составленные Будбергом, Горемыкиным и Орловым, 16 октября в 10.00 были представлены Фредериксу.⁶⁰ К этому времени в Петергофе, видимо, уже был получен ответ Трепова. Трепов не гарантировал сохранение порядка без кровопролития и поэтому высказывался за публикацию манифеста. Однако редакция Витте во многом не удовлетворяла Трепова. Он считал, что манифест должен был полно и ясно отражать то, что царь собирался даровать своим подданным. Поэтому упоминание о развитии начала общего избирательного права казалось ему нецелесообразным, так как он сомневался в том, чтобы Николай решился даровать всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Трепов считал, что необходимо выяснить предварительно, кто именно может быть избираем, т. е. вначале разработать проект, а потом объявить о нем. Неприкосновенность личности представлялась Трепову неосуществимой, поэтому он находил нужным исключить ее из первого пункта манифеста. Наконец, третий пункт манифеста Трепов предлагал изложить так, «чтобы закон воспринимал силу по одобрении его не только Государственной думой, но и Государственным советом и подтверждении его императором». Но Трепов не настаивал на своих предложениях. Напротив, он подчеркнул, что не мог как следует обдумать каждое слово, потому что имел в своем распоряжении «всего три часа поздней ночи». Впрочем, он выразил уверенность в том, что никто лучше, кроме самого царя, не может «этого дела ни обдумать, ни решить»⁶¹. Для Николая одобрение Треповым манифеста в принципе было важнее его редакционных рекомендаций, поскольку уже вечером 15 октября в совещании с Будбергом и Горемыкиным мысль о редакции Витте была оставлена. В 14.00 Будберг, Орлов и Горемыкин представили на усмотрение Николая свои проекты, призванные заменить виттевский.⁶² В ходе совещания выяснилось, что Фредерикс выступил за компромиссный проект, который менее всего отличался от проекта Витте. Царь предпочитал отмалчиваться. Будберг же энергично отстаивал третий проект. В конце концов ему удалось склонить царя на свою сторону, но тогда в дело вмешался Горемыкин. Он заявил, что закон о собраниях и союзах опубликован совсем недавно, поэтому провозглашать свободу собраний и союзов значит отменить только что изданный закон. Стремясь примирить разногласия, Орлов предложил компромиссное решение — вставить

⁶⁰ КФЖ, л. 334 об.; Будберг А. А. Записки, л. 37—38.

⁶¹ Всеподданнейшая записка Д. Ф. Трепова 16 октября 1905 г. — Бюллетень, 1919, № 14, с. 110—111.

⁶² КФЖ, л. 334 об.; Будберг А. А. Записки, л. 37—38. — По всей видимости, к этому времени они были уже литографированы (ЦГВИА СССР, ф. 276, оп. 1, № 12, л. 5—6, 12, 16—17).

в текст оговорку — «на основании закона».⁶³ Это предложение вызвало оживленные споры. Будберг категорически протестовал. Его поддержал Фредерикс. Однако Горемыкин сумел убедить царя в том, что свобода собраний и союзов будет серьезной помехой в деятельности правительства. Царь полностью согласился с ним. Впрочем же, он одобрил остальные положения третьего проекта, высказал несколько стилистических замечаний и отпустил присутствующих. Покинув кабинет царя, Будберг решил вернуться и попытаться еще раз переубедить Николая. Но и эта попытка оказалась безуспешной,⁶⁴ поэтому после совещания Будбергу пришлось внести в свой проект предложенную Орловым оговорку.⁶⁵ Была она внесена и в другой вариант третьего проекта,⁶⁶ его переписали набело⁶⁷ и отлитографировали.⁶⁸ Потом черновик и беловик подверглись стилистической правке, был создан новый беловик,⁶⁹ затем — окончательный — литографированный текст.⁷⁰ В 17.00 участники совещания представили Николаю отлитографированный проект. Однако царь продолжал колебаться и даже был склонен затянуть дело. Он то высказывал мелкие замечания, то отказывался от них. Наконец, Николай решился. Он велел присутствующим переписать манифест от руки: именно в таком виде царь должен был подписать этот конституционный акт.⁷¹ Фредерикс сразу же поднял вопрос о Витте. Тогда Николай решил, что только после того как проект будет подписан, Фредерикс ознакомит Витте с содержанием манифеста, а затем отвезет документ министру юстиции. На этом в 17.30 вечернее заседание завершилось.⁷² Вслед за этим Николай написал ответное письмо Д. Ф. Трепову, «единственному», по его словам, из своих слуг, на которого он мог «совершенно положиться».⁷³ «Меня тронуло Ваше вчерашнее письмо... — писал царь, — такое ясное и последовательное. Оно мне значительно облегчило

⁶³ В пакете, где хранились варианты проекта, находился отдельный лист, на котором рукой Орлова было написано: «Свобода совести и слова, а и права собраний на основании законов октября сего года». Несколько ниже помещалась приписка — «Всеякие оговорки злят». На перебеленном экземпляре третьего проекта имелось указание на вставку, под которую подходило содержание отдельного листка (КА, с. 94).

⁶⁴ Будберг А. А. Записки, л. 38—38 об.

⁶⁵ Копия этого варианта, переписанная от руки набело, с учетом внесенной в него оговорки («по определению закона»), приложена к запискам Будберга. (Там же, л. 44—45 об.).

⁶⁶ КА, с. 94—95; ЦГВИА СССР, ф. 276, оп. 1, № 12, л. 13—13 об.

⁶⁷ ЦГВИА СССР, ф. 276, оп. 1, № 12, л. 14—14 об.

⁶⁸ Там же, л. 8—9 об.

⁶⁹ КА, с. 95.

⁷⁰ КА, с. 96.

⁷¹ Мосолов А. А. При дворе императора. Рига, [б. г.], с. 139.

⁷² Будберг А. А. Записки, л. 39—39 об.; КФЖ, л. 334 об.

⁷³ В письме упоминается «только что полученная телеграмма» генерала Фрезе. На бланке этой телеграммы обозначено: «Получена в Петергофе 16 октября 1905 г. 5 ч. 40 м.» (ЦГАОР СССР, ф. 595, оп. 1, № 45, л. 25), т. е. телеграмма пришла спустя 10 мин. после окончания вечернего заседания.

тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ. Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молко милосердного господа благословить промыслом своим нас всех и совершаемое рукою моею великое дело. Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе нигде не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступить по мелочам и все-таки придти к тому же».⁷⁴

Тем временем проект переписали от руки, уточнили детали обнародования манифеста, распределили роли, связанные с решением последних, чисто формальных вопросов, все было готово к подписанию конституционного акта, и именно в этот момент в Петергофе был получен ультиматум Витте. Он заявил по телефону о том, что, если его редакция не будет принята такой, какой она есть, он не берет на себя обязанность сформировать кабинет. Он потребовал, чтобы это было передано императору.⁷⁵ В 21.15⁷⁶ Фредерикс сообщил Николаю об этом демарше кандидата в премьеры. Узнав об ультиматуме Витте, Николай пришел в сильное негодование, но проекта все же не подписал. Он решил отступить от намеченного плана и послать Фредерикса вместе с проектом к Витте. Фредерикса сопровождал управляющий его канцелярией А. А. Мосолов, близкий родственник Трепова. На всякий случай они захватили с собой виттевский и горемыкинский проекты.⁷⁷ И Фредерикс, и Мосолов были уверены в том, что если Витте отвергнет предложенный ему проект, то Николай в конце концов капитулирует перед ним. Поэтому они решили создать у Витте обратное впечатление: в случае его отказа публикация манифеста будет отложена до тех пор, «пока Трепов не усмирит крамолу». Прежде чем встретиться с Витте, Мосолов отправился к Трепову и ввел его в курс дела. Трепов отверг уже готовый к подписи проект Горемыкина—Будберга. Из всех проектов он обратил внимание только на виттевский. Как и накануне, его редакция не удовлетворяла Трепова. «Нельзя обещать неисполнимое теперь же. Лучше сначала подготовить исполнение, а потом даровать. Такие акты нельзя делать спеша», — таково было мнение Трепова.⁷⁸ Он сделал пометки на копии проекта

⁷⁴ Николай II — Д. Ф. Трепову, 16 октября 1905 г. (ЦГАОР СССР, ф. 595, оп. 1, № 45, л. 7—7 об.).

⁷⁵ Будберг А. А. Записки, л. 39 об.—40.

⁷⁶ КФЖ, л. 335.

⁷⁷ С. Ю. Витте — А. А. Мосолову, 23 декабря (1905) (ЦГАОР СССР, ф. 1001, оп. 1, № 36, л. 1); А. А. Мосолов — С. Ю. Витте, 23 декабря 1905 г. (КА, с. 91); Мосолов А. А. При дворе императора, с. 137; Справка..., с. 80—81.

⁷⁸ Мосолов утверждал, что эти слова были написаны на полях копии виттевского проекта. Поскольку на хранящемся в фонде Мосолова экзем-

Витте, подчеркнув красным карандашом фразу: «На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли». В первом пункте оказались подчеркнутыми слова «даровать населению».⁷⁹ Трепов устно поручил Мосолову передать, «что если манифест выйдет с текстом графа Витте, немедленно после опубликования в Петербурге последует кровопролитие».⁸⁰ Когда Фредерикс и Мосолов прибыли к Витте, они застали там Н. Д. Оболенского, брата автора первоначального наброска виттевского проекта, управляющего императорским кабинетом, пользовавшегося особым доверием не только Николая, но и Александры Федоровны. Как только Витте ознакомился с привезенными проектами, он смог убедиться в том, что, несмотря на значительные расхождения, его проект и проект Будберга—Горемыкина, на который прежде всего было обращено его внимание, имели общую принципиальную основу. Позднее Витте сам признавал, что в этом проекте была заложена идея конституции, но «законодательные права Думы были выражены крайне неопределенно».⁸¹ Поэтому, если Витте действительно стремился сохранить правительству свободу рук в будущем, как он уверял впоследствии,⁸² проект, представленный Фредериксом, больше подходил для этого, нежели собственный проект Витте. Но Витте стремился во что бы то ни стало сохранить в своих руках все дело конституционного преобразования России, поэтому он предпочел встать в позу обиженного и предложил назначить премьером Горемыкина или Будберга. Тогда Мосолов ознакомил Витте с мнением Трепова и обратил его внимание на треповские пометки на виттевском проекте. Витте прекрасно осознавал, что значит для царя позиция Трепова. Поскольку Трепов отдавал предпочтение виттевскому проекту, Витте решил пойти навстречу царскому любимцу и внести в свой проект редакционные изменения. Мосолов указал Витте на то, что вступление у Будберга написано лучше и «обещание свобод не так категорично», в частности, по-иному трактуется вопрос о свободе собраний. Витте согласился принять вступление Будберга, пошел на изменение отдельных пассажей текста. Так, в первый пункт виттевского проекта («Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»), где слова «даровать населению» были подчеркнуты Треповым красным карандашом, Мосолов вписал черным — «по выработке соответст-

пилье таких слов нет, нельзя категорически утверждать, что этот экземпляр отражает именно ход обсуждения проекта во время встречи Витте с Фредериксом и Мосоловым. Однако такое предположение наиболее логично увязывается с известными фактами.

⁷⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1001, оп. 1, № 80, л. 3.

⁸⁰ Мосолов А. А. При дворе императора, с. 138.

⁸¹ Миллюков П. Н. С. Ю. Витте. — Энциклопедический словарь библиографического института ГРАНАТ, т. 10, с. 356—359.

⁸² Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3. М., 1960, с. 33.

вующих законов Госуд(арственной) Думою». Во втором пункте («Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку») вместо «те классы населения» Витте вставил черным карандашом «значительных центров», а потом зачеркнул и заменил на «рабочее население наиболее значительных центров».⁸³ Этим Витте делал серьезную уступку Трепову. Теперь гражданские свободы не жаловались сразу с высоты престола, как гласил проект Будберга—Горемыкина, а их еще предстояло выработать, но не объединенному правительству, как того добивался Витте, а Государственной думе. К выборам же в нее должны были быть привлечены не все слои населения, лишены избирательных прав, а только рабочее население наиболее значительных центров. Таков был компромисс, на который удалось склонить Витте Мосолову и Фредериксу. Пока Мосолов переписывал проект набело, Фредерикс неосторожно обронил фразу о том, что Николаю теперь «не придется подписывать манифест, который был ему не по душе». Для Витте этого было вполне достаточно. Он мгновенно оценил ситуацию, полностью отказался от только что сделанных поправок и категорически потребовал принять его проект в том виде, в котором он представил его Николаю еще накануне. Так миссия Мосолова—Фредерикса потерпела полный провал.⁸⁴

17 октября в 11.00 Фредерикс доложил императору о мнениях Трепова и Витте. В 12.00 другой участник ночных переговоров — Н. Д. Оболенский — получил аудиенцию у императрицы. В 13.00 Николай принял Фредерикса вторично.⁸⁵ Затем в канцелярии Министерства императорского двора проект Витте⁸⁶ был

⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 1001, оп. 1, № 80, л. 3—3 об.

⁸⁴ Мосолов А. А. При дворе императора, с. 138—140.

⁸⁵ КФЖ, л. 335.

⁸⁶ Манифест переписан от руки на печатном бланке с императорским титулом. Переписка проводилась с копии виттевского проекта, которую Мосолов накануне возил к Трепову и Витте. «Оригинал манифеста, перечерканный руками С. Ю. и моей с пометками Трепова, я спрятал в свой личный архив, где он находится и по сию пору скрытым в России», — писал Мосолов в своих воспоминаниях (Мосолов А. А. При дворе императора, с. 140). Проект этот ныне хранится среди бумаг Мосолова в черной кожаной папке с надписью: «К высочайшему подписанию». В верхнем левом углу документа рукой Мосолова чернилами написано: «Манифест этот предложен гр. Витте, переписывался в канц[елярии] м[инистерства] имп[ераторского] двора в Петергофе 17 октября 1905 г. Хранить при деле. А. Мосолов» (ЦГАОР СССР, ф. 1001, оп. 1, № 80, л. 3). Одновременно переписчик, видимо, пользовался машинописным текстом «окончательного» проекта, представленного Витте 15 октября. В этот текст карандашом были внесены две поправки, заимствованные из проектов Будберга—Горемыкина: после титула вписано «Объ-

переписан набело. В 17.00 Николай принял вел. кн. Николая Николаевича, Витте, Фредерикса⁸⁷ и в их присутствии подписал виттевский проект манифеста.⁸⁸

Б. В. АНАНЬИЧ

О РУКОПИСЯХ И ТЕКСТЕ МЕМУАРОВ С. Ю. ВИТТЕ

В начале 20-х годов почти одновременно вышли в свет в Лондоне одностомное издание воспоминаний С. Ю. Витте на английском языке (в переводе и под редакцией сотрудника Нью-Йоркской публичной библиотеки А. Ярмолинского) и в Берлине трехтомное — на русском языке (под редакцией И. В. Гессена).¹ Оба издания были подготовлены по рукописи.

Американский издатель умолчал о том, каким образом рукопись воспоминаний попала в его руки, и не счел нужным как-то ее охарактеризовать. То, что воспоминания Витте отдельной книгой впервые были опубликованы на английском языке, не было игрой случая. Еще в 1915 г. в печати появились сообщения,

являем всем нашим верноподданным», а в заключительной фразе — «Дан в Петергофе в день октября 1905» — цифры заменены словами «В лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое» (ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, № 82, л. 1—2). Переписчик пропустил в беловом тексте слова «Объявляем всем нашим верноподданным», но правка заключительной фразы была им учтена. Вероятно позднее, в конце машинописного проекта, была сделана пометка «На подлинном собственною его имп[ераторского] в[еличест]ва рукою подписано „Николай“».

⁸⁷ КФЖ, л. 336.

⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, № 888, л. 1—2; Правительственный вестник, 1905, 18 октября.

¹ The Memoires of Count Witte. Translated from the original Russian manuscript and edited by Abraham Yarmolinsky. London, 1921; Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. Царствование Николая II. Берлин, 1922; т. II. Царствование Николая II. Берлин, 1922; т. III. Детство. Царствование Александра II и Александра III. Берлин, 1923. — В 1923—1924 гг. Госиздатом было предпринято первое советское издание мемуаров с предисловием М. Н. Покровского, представлявшее собой перепечатку текста берлинского издания: Витте С. Ю. Воспоминания, т. I—III. Госиздат. М.—Пг., 1923—1924. — В 1960 г. мемуары были переизданы под редакцией и с предисловием А. Л. Сидорова. В отличие от предшествовавших в этом издании изменена нумерация томов: Т. 1. Детство. Царствования Александра II и Александра III. Т. 2—3. Царствование Николая II. М., 1960. В настоящей статье все специально не оговоренные ссылки сделаны на это издание. Подробнее об истории выхода в свет мемуаров С. Ю. Витте на английском и русском языках, а также характеристику американского издания см.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 298—374.